

Артем Юрьевич Перетьяко

Кандидат исторических наук, преподаватель, лицей, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. 344006, ул. Б. Садовая, 105/42. E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Самоидентификация донских казаков и австрийских граничар в контексте правительственной политики 1860-х годов в Российской и Австрийской империях

1860-е годы ознаменовались резким обострением национальных вопросов на австрийской Военной Границе и в российской Земле войска Донского. В данной статье предпринята попытка сопоставить процессы, происходившие в среде донских казаков и австрийских граничар в это время. И для тех, и для других были характерны три варианта идентичности: государственная (верные слуги своего императора), сословная (казаки/граничары) и национальная (русские/хорваты/сербы и т. д.). Исторически эти идентичности дополняли друг друга, не вступая в прямое противоречие, причем замкнутость казаков и граничар, а также их четкая ассоциация с определенной территорией уже к середине XIX в. привнесли в их сословную идентичность черты второй, дополнительной, национальной идентичности. Однако к 1860-м годам экономические проблемы Военной Границы и Земли войска Донского стали настолько остры, что привели к обсуждению вопроса об упразднении их особого военизированного статуса. В этих условиях имперские правительства постарались наладить диалог, соответственно, с казаками и граничарами, однако это привело к неожиданным последствиям и сильно дестабилизировало ситуацию. Фактически и на Дону, и на Военной границе началась публичная борьба между сторонниками стирания различий в положении казаков/граничар и этнически родственного населения, и сторонниками сохранения сословного статуса казаков/граничар любой ценой. В итоге к 1870 г. сословная идентичность казаков и граничар все больше становилась не дополнением, но альтернативой их исторической национальной идентичности, что создало предпосылки для возникновения новых политических наций, пусть и не реализовавшиеся в дальнейшем.

Ключевые слова: Земля войска Донского, Военная граница, национальная идентичность, военные поселенцы, И. И. Краснов, И. С. Ульянов, Б. Каталинич

Цитирование: *Перетяцько А. Ю.* Самоидентификация донских казаков и австрийских граничар в контексте правительственной политики 1860-х годов в Российской и Австрийской империях // *Центральноевропейские исследования.* 2020. Вып. 3(12) / гл. ред. О. В. Хаванова. М. : Институт славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2021. С. 73–97. DOI: 10.31168/2619-0877.2020.3.4

В 1862 г. герой Крымской и Кавказской войн, популярный донской писатель, один из образованнейших казаков своего времени Иван Иванович Краснов (1802–1871) опубликовал статью, поставившую в публичном пространстве вопрос, который вызывает дискуссии и по сей день, — являются ли донские казаки особой нацией или их следует рассматривать как часть другого, более крупного народа. Уже само название статьи было откровенно провокационным: «О народности в Донском войске»¹. События, последовавшие за этой публикацией, почти сразу вышли за пределы Земли войска Донского и приобрели скандальный характер. В 1864 г. Михаил Никифорович Катков (1818–1887) на страницах «Московских ведомостей» заявил об опасности «донского сепаратизма» и обвинил в сочувствии ему местную донскую чиновную элиту². Власти, напуганные якобы сепаратистскими настроениями в казачьей среде, какое-то время всерьез рассматривали возможность крупного восстания на Дону, и флигель-адъютант Александра II Николай Владимирович Мезенцов (1827–1878) лично объезжал станицы, чтобы понять, насколько подобные опасения обоснованы³. В итоге Военному министерству удалось стабилизировать ситуацию, но «сепаратизм» донских казаков оказался не уничтожен, а только замаскирован государственной политикой. В дальнейшем прибывавшие на Дон чиновники жаловались на «особый, специально донской патриотизм» местных общественных деятелей⁴. Можно дискутировать о том, кем в этническом отношении являются донские казаки, но несомненно одно: казачий национализм, хотя и под иными названиями, зародился в XIX в., а его первые яркие проявления имели место в 1860-е годы. Таким образом, хронологически он хорошо укладывается в историю национальных движений в Восточной Европе, и в настоящее время предпринимаются первые попытки его описания с использованием соответствующего теоретического

¹ Краснов 1862.

² Катков М. Н. Донской сепаратизм // *Московские ведомости.* 1864. № 89. С. 1.

³ Карпенко 2006: 269–270.

⁴ ОР РНБ. Ф. 1055. Маслаковец Н. А. Д. 24. Л. 3.

аппарата. Пионером в этом отношении следует считать Б. С. Корниенко, в 2013 г. выпустившего монографию о донских националистах начала XX в., основанную на теории национализма Мирослава Хроха (Гроха)⁵.

Однако конкретные особенности и детали зарождения донского казачьего национализма остаются до настоящего времени недостаточно изученными. Во многом это связано с историографической спецификой. До революции 1917 г. донским прошлым интересовались преимущественно краеведы-любители. Один из них, А. А. Кириллов, в 1909 г. прямо указал, что «удовлетворительного исторического произведения о донских казаках», отвечавшего всем требованиям науки, на тот момент написано еще не было⁶. В советский период внимание ученых преимущественно привлекали социально-экономические проблемы, которым и посвящена наиболее важная работа этого времени о донском казачестве второй половины XIX в., «Дон в эпоху капитализма» И. П. Хлыстова⁷. Что касается авторов-эмигрантов, то их работы, по понятным причинам, страдали от недостатка источников и ошибок: например, С. Г. Сватиков, первым проанализировавший противостояние донской оппозиции 1860-х годов с правительством на высоком научном уровне, в то же время сводил его исключительно к борьбе за сохранение донской автономии (судя по приводимым им источникам, статьи И. И. Краснова и М. Н. Каткова, обвинявших донских оппозиционеров в национализме, были просто неизвестны историку)⁸. Только в 1991 г. ростовский исследователь В. Н. Королев ввел в научный оборот сведения о том, что в середине XIX в. на Дону боролись партии сторонников и противников правительственных реформ казачества⁹. Однако его основные научные интересы лежали в другой области, кроме того, он писал не историю общественной жизни Дона, а биографию И. И. Краснова, вследствие чего изложение интересующих нас событий было выполнено В. Н. Королевым крайне пристрастно, и позиция донских оппозиционеров раскрывалась (и, естественно, критиковалась) исключительно по трудам их противников. Любопытно, что зеркальная особенность характерна для

⁵ Корниенко 2013.

⁶ Кириллов 1909: 3.

⁷ Хлыстов 1962.

⁸ Сватиков 1924: 339–350.

⁹ Королев 1991: 228.

трудов современного историка О. М. Морозовой: в замечательной биографии главного оппонента И. И. Краснова — Ивана Самойловича Ульянова (1803–1874), она, напротив, безоговорочно приняла позицию своего героя¹⁰. Фактически только в 2015 г. А. А. Волвенко, крупнейшим современным специалистом по истории донского казачества второй половины XIX в., был подготовлен цикл статей, в которых история донских общественных движений 1860-х годов рассматривалась на основании широкого круга источников *с обеих сторон*, четко выстраивалась хронология и последовательность событий¹¹.

Незадолго до этого в историографии донского казачества произошли еще два важных для темы статьи события. В 2014 г. вышел русский перевод книги австрийского историка Андреса Капшелера, в которой содержался призыв к сопоставлению истории российских казачьих войск и австрийской Военной Границы, поскольку такое сопоставление «может дать дальнейшее разъяснение феномена пограничных сообществ в целом и особенно истории казаков»¹². Несколько годами раньше А. А. Волвенко обнаружил, что в 1860-е годы российское Управление иррегулярных войск как минимум однажды обратилось к опыту австрийской Военной Границы — при расчетах перспектив обращения донских и оренбургских казаков в гражданское состояние. Тогда были использованы аналогичные расчеты, сделанные для граничар, которые предоставил военный агент в Вене Федор Федорович Торнау (1810–1890)¹³.

Я не претендую на глубокое знание граничарской тематики, но, чем дальше я изучаю процесс манифестации донского национализма в 1860-е годы, тем больше вижу параллелей с событиями, происходившими в это время на южной границе Австрийской империи. И казаки, и граничары были представителями военизированного сословия, и для них верность империи была безусловной ценностью. Даже те люди, которых в 1860-е годы противники считали лидерами «донского сепаратизма», отрицали эти обвинения, доказывая, что они действительно защищают особые права казачества, но не как нации, а как сословия. В собственных глазах донские сепаратисты, или, как их обычно называли, казакотоманы, хотели только «удержать некоторые из лучших

¹⁰ Морозова 2010: 4–65.

¹¹ Volvenko, 2015b; Volvenko, 2015c; Volvenko, 2015d.

¹² Капшелер 2014: 83.

¹³ Волвенко 2007: 47–56.

старинных казачьих постановлений»¹⁴. С другой стороны, на пике обострения граничарско-венгерских отношений, в 1883 г., часть граничар подняла восстание, требуя замены венгерских гербов императорскими орлами¹⁵. Подобный мотив восстания крайне любопытен: основой для антивенгерского восстания стала не национальная, а сословная граничарская идентичность, борьба за историческую традицию подчинения Военной Границы непосредственно Вене. В статье я намерен обозначить некоторые соображения о том, как в середине XIX в. схожие условия в Донском войске и на Военной Границе порождали схожие трансформации казачьей и граничарской идентичностей.

Донские казаки и австрийские граничары в 1850-е годы

Начальник штаба Оренбургского казачьего войска Петр Васильевич Зворыкин (1804–1864) в 1862 г. писал:

Военные поселения принадлежат глубокой древности. Римляне имели уже военные колонии на границах Германии и на Дунае для ограждения Империи от нашествия варварских племен. Карл Великий возобновил это во время борьбы своей с Саксонцами и Славянами. После него Австрия приняла эту систему защиты своих границ против Турок, и ее военные поселения до сих пор процветают, хотя уже цель их не существует¹⁶.

Российская военная мысль того времени рассматривала казачьи войска как частный случай военных поселений, и не случайно до 1858 г. казачьи области Российской империи подчинялись именно Департаменту военных поселений Военного министерства¹⁷. Но каким образом связанные с казаками авторы интерпретировали само понятие «военные поселения», в чем они видели их смысл? П. В. Зворыкин рассуждал так:

Мысль учреждения их была одна и та же, а именно: не учреждать без очевидной надобности регулярных войск на границах и вверять эти

¹⁴ Volvenko 2015d: 203.

¹⁵ Фрейдзон 2001: 192–193.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 748. Стрелковский И. Н. Д. З. Л. 35 об. — 36.

¹⁷ Столетие военного министерства. 1802–1902. СПб.: Тип. т-ва М. О. Вольф, 1902. Т. XI. Ч. 1. С. 403.

области защите жителей, находящихся в всегдашней военной готовности отразить первые и отдельные нападения. На содержание этих военных жителей ничего казна не отпускала потому, что они сами себя кормили, будучи в то же время и земледельцами, и воинами. Следовательно, то самая выгодная военная сила для государства потому, что ничего не стоит¹⁸.

Несмотря на определенный схематизм логических построений оренбургского чиновника, они неплохо описывают саму концепцию военных поселенцев Российской и Австрийской империй. Финансовое положение монархий Габсбургов и Романовых в XIX в. было далеко не самым лучшим. В России, например, с 1862 по 1870 г. государственный годовой бюджет неизменно сводился с дефицитом¹⁹. В Австрии в тот же период военные расходы были сильно сокращены: с более чем 135 млн гульденов в 1863 г. до примерно 80 млн в 1867–1870 гг.²⁰ В подобных условиях очень было бы выгодно иметь военных поселенцев, не получающих жалования и снаряжающихся на службу за свой счет.

Проблема заключалась в том, что в начале 1860-х годов некоторые военные авторы двух восточноевропейских империй осознали: военные поселения создают только иллюзию экономии государственных средств. Н. И. Краснов посвятил этому вопросу обширное исследование, в котором писал:

Вместе с развитием в государстве сельской и городской промышленности и торговли, увеличивающих ежегодно источники государственных доходов, ослабляется мнение о относительной дешевизне поселенных войск, и, не касаясь нравственных свойств казаков и их склонности к воинской службе, в настоящее время начинают сомневаться в выгодности содержания казаков в чисто финансовом отношении. Подобного рода вопрос недавно был поднят в Австрии²¹.

Иными словами, потенциальный доход с территорий военных поселений, жители которых оказались бы освобождены от поголовной и многолетней военной службы, должен был с лихвой покрыть

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 748. Д. 3. Л. 36.

¹⁹ Зайончковский 1952: 63–65.

²⁰ Глиноецкий 1868: 164; Глиноецкий 1869а: 115; Глиноецкий 1869: 93.

²¹ РГВИА. Ф. 330. Главное управление казачьих войск. Оп. 10. Д. 290. Л. 117–117 об.

содержание регулярных частей, способных заменить военных поселенцев. Об этом писал и российский военный агент в Вене Ф. Ф. Торнау:

Значительная часть земли лежит необработанною, а источники благосостояния, вмещаемые этой богатой стороною, приносят самую ничтожную пользу. Австрийское правительство понимает ущерб, который оно несет в Военной Границе²².

В России позиция Н. И. Краснова также постепенно возобладала над позицией П. В. Зворыкина, и в конце рассматриваемого периода начальник Управления иррегулярных войск Николай Иванович Карлгоф (1806–1877) заявил, что от существования казачьих войск государство несет «огромные потери»²³.

Помимо экономической проблемы, к 1860-м годам стала очевидной и проблема замкнутости военных поселений. В России апологетом максимальной закрытости казачьих войск был сам император Николай I. В свое время он напутствовал донского атамана Максима Григорьевича Власова (1767–1848) такими словами:

Я люблю казаков, но не желал бы видеть их не казаками: надобно, чтобы на Дон не доходила никакая реформа ни в правах, ни в обычаях, ни в самом служении. Пускай казаки останутся славными казаками Отечественной войны двенадцатого года²⁴.

Ф. Ф. Торнау отметил, что и австрийское Военное министерство признавало «неудобство создать возле существующего населения новый класс обывателей, не подчиненных общему положению»²⁵. Любопытно, что после ряда административных реформ в двух восточноевропейских империях пришли к одинаковому результату: и там и там области, населенные военными поселенцами, оказались изъяты из общей системы имперского управления и по всем вопросам были подчинены специальному органу в Военном министерстве (в России, после упразднения Департамента военных поселений — Управлению иррегулярных войск, а в Австрии — 10-му отделению Военного министерства)²⁶.

²² РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 40–40 об.

²³ Волвенко 2018: 42.

²⁴ Volvenko 2015a: 109.

²⁵ РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 40 об.

²⁶ Столетие военного министерства. С. 403; Военно-статистический сборник на 1868 год. СПб.: Военная типография, 1867. Вып. I / под общ. ред. Н. Н. Обручева. С. 190.

Такая изолированность населения, объединенного совершенно особым статусом в государстве, на фоне общего пробуждения национальных движений в Восточной Европе имела крайне опасные последствия. Первым на это обратил внимание как раз И. И. Краснов, не знавший о ситуации на Военной Границе, но в критике замкнутости казачества ссылавшийся на общее положение дел в Австрийской империи:

Сколько этой державой было употреблено трудов и разных усилий, чтобы, по возможности, онемечить различные свои народы. Последствия удостоверили, что все страдания были бесплодны. Как завидует Австрия тем государствам, где нет стольких народностей! Нам случилось читать в одной иностранной газете отзывы о России, что, хотя и наше отечество заключает в себе многие нации, но чисто русский элемент имеет в нем такое сильное преобладание, что увлекает за собой все нерусское, и нечувствительно, мало-помалу, русит (превращает в русских. — *А. П.*) и татар, и немцев. Для чего же теперь созидать народность искусственную? Для чего область, населенную людьми чисто русскими или совершенно обруселыми, которые говорят русским языком и исповедуют русскую веру, для чего держать ее таким особняком, заграждать всякие пути из нее к отчеству и обратно, и уничтожать связи, которые могут ближе скрепить родственный с ним союз?²⁷

Три варианта самоидентификации

В этих условиях и казаки, и граничары могли идентифицировать себя как минимум тремя различными способами. Прежде всего, они были подданными своей империи, причем традиционная поголовная военная служба предполагала особую верность правящему дому. С другой стороны, и казаки, и граничары относили себя к какой-то национальности, причем ни Военная Граница, ни Земля войска Донского не были вполне однородны в этническом отношении. Но главное, помимо этих двух идентичностей, особый правовой статус, полная подчиненность Военному министерству и изоляция от остального населения формировали у исследуемых сообществ третью, совершенно особую самоидентификацию — военных поселенцев.

²⁷ Краснов 1862: 355.

Ввиду ограниченного объема статьи невозможно в полной мере проиллюстрировать эти утверждения, поэтому придется ограничиться всего двумя любопытными цитатами. Александр Михайлович Дондуков-Корсаков (1820–1893), начальник штаба войска Донского и один из лидеров донских казакоманов, защищая традиционную изоляцию казачества, писал:

Имена Ермака и некоторых популярных атаманов еще очень свежи в памяти народной; нет зажиточного казака, в доме которого не встретилось бы изображения покорителя Сибири или других известных войсковых лиц. Все воспоминания эти, вместе с заслугами войска в Отечественную войну и определенными подвигами частей и лиц оного в других кампаниях, заставляют казака гордиться своим военным значением. <...> Общепринятые у простых казаков названия “москаль” и “хохол” для именованя жителей российских губерний и Малороссии, суть выражения хотя не враждебные, но далеко не дружелюбные²⁸.

Граничарский эмигрант на русской службе Боголюб Каталинич в конце 1860-х годов описывал граничар так:

Народ (курсив мой. — А.П.), пребывающий близоруким в мирских делах, выказывающий даже тупое противодействие издавна уже выработавшимся югославским идеям, и многократно бывший источником упадка духа партий, образующих собой народную политику²⁹.

Здесь следует сделать важное отступление. Разумеется, изначально самоидентификация казаков и граничар как военных поселенцев была сословной, а не национальной. Однако авторы-казаки, даже выступавшие против казакоманства и ратовавшие за слияние казачества с великорусским народом, все равно применяли в статьях националистическую терминологию. И тот самый И.И. Краснов, который предупреждал об опасности замкнутости Донского войска, потенциально способной создать новую казачью нацию, признавал «необходимость поддержания элементов народности» в донских казаках, судя по контексту его высказываний, подразумевая под этим казачью склонность к военной службе³⁰. Проскальзывает в русской

²⁸ Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // Русский архив. 1896. Кн. 12. С. 574–575.

²⁹ РГВИА. Ф. 428. Австро-Венгрия. Оп. 1. Д. 108. Л. 38–40.

³⁰ Краснов 1862: 353.

военной литературе и упоминание граничар в ряду не сословий Австрийской империи, а населявших ее народов³¹. На небрежность русскоязычных авторов, запутавшихся в сословной и национальной терминологии при описании казачества, обратил внимание даже один из отечественных классиков, М. Е. Салтыков-Щедрин:

Конечно, г. Краснов, первоначально напечатавший свою невинную статью в “С.-Петербургских ведомостях”, говорит в ней совсем не о сепаратизме, а об устарелости и бесполезности некоторых исключительных привилегий, которыми пользуется Земля Войска Донского, и только по неловкости, свойственной всем вообще литераторам-обывателям, объясняет эту привязанность донца к привилегиям каким-то “местным патриотизмом”³².

На мой взгляд, ситуация была несколько сложнее, чем утверждал писатель: изолированность казаков и граничар, их изначальная привязанность к определенным территориям провоцировала многих авторов считать эти группы населения не общеимперскими сословиями, но народами, имевшими четкую географическую локализацию, причем общее развитие национальных движений в Восточной Европе во второй половине XIX в. способствовало укреплению этой тенденции. Таким образом, хотя изначальное три варианта самоидентификации казаков и граничар можно было рассматривать как государственную, национальную и сословную идентичности, в действительности дела сразу обстояли несколько сложнее.

Долгое время все три варианта самоидентификации природных «военных поселенцев» в монархиях Габсбургов и Романовых только дополняли друг друга. Характерно, что в 1848 г., во время революции в Австрийской империи, именно Военная Граница осталась оплотом Габсбургов. Народное движение перекинулось и на ее территорию, но его лидеры надеялись на сотрудничество с имперской властью и помогали ей в борьбе с венгерскими повстанцами³³. Показательно и то, что И. С. Ульянов, ставший впоследствии влиятельной фигурой в стане донских казакоманов, в ранних рукописях позиционировал казачество, со всеми его особенностями и традициями, как составную

³¹ Риттих 1874: 13.

³² Салтыков-Щедрин 1864: 7.

³³ Фрейдзон 2001: 192–193.

часть русского народа. Он даже призывал, чтобы «перестали нас (казаков. — А. П.) считать пасынками и сравнивали русских с русскими!»³⁴. Но в 1860-е годы ситуация резко изменилась.

1860-е годы: конфликт идентичностей

Трудно сказать, с чего все началось: как это часто бывает, когда устаревают старые порядки, одновременно происходит сразу несколько изменений. Но, вероятно, самым заметным проявлением надвигающихся перемен стало то, что имперские правительства, уже не считавшие Военную границу и Землю войска Донского безусловно полезными для государства в целом, начали задумываться об их трансформации, а то и упразднении. Единства в вопросе о их будущей судьбе не было во властных кругах ни России, ни Австрии. Так, общавшийся с руководством австрийского Военного министерства Ф. Ф. Торнау написал следующее: «В теперешнее время еще нельзя предсказать переворота, ожидающего приграничных провинций и указать его будущий результат»³⁵. Известно мнение конкретных лиц, выступавших в Российской империи за тот или иной вариант решения казачьей проблемы. Так, в 1858 г. член Военного совета Максим Максимович Брискорн (1788–1872) призывал «уничтожить военный быт донских казаков»³⁶. В 1862 г. оренбургский и самарский генерал-губернатор Александр Павлович Безак (1800–1868) предложил «тщательно изучить и сообразить на месте все обстоятельства» возможной ликвидации Оренбургского казачьего войска³⁷. Однако лично военный министр Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912) и начальник Управления иррегулярных войск Н. И. Карлгоф в том же 1862 г. поддержали разработку проекта радикальной перестройки казачьих войск, в рамках которого предполагалось разрешить большинству категорий подданных Российской империи свободно

³⁴ Записки И. С. Ульянова [Часть II] // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Новочеркасск: Частная Донская типография, 1902. Вып. III. С. 53–82.

³⁵ РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 42.

³⁶ Волвенко 2019: 135.

³⁷ Отчеты губернаторов Оренбургской губернии: Сборник документов. Оренбург: Государственный архив Оренбургской области, 2016. С. 255–256.

жить на казачьих территориях³⁸. Проект этот получил довольно пышное название «Соображения учрежденного при Управлении Иррегулярных войск Комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках».

Таким образом, не только традиционная замкнутость казаков и граничар, но и само их существование в статусе военных поселенцев оказались под ударом, и в их среде остро встал вопрос о том, как относиться к возможным изменениям. Так, вступили в противоречие идентичности национальная и сословная: с точки зрения первой, упразднение военных поселений означало слияние их населения с остальным народом, и его можно было только приветствовать; с точки зрения второй, подобное развитие событий означало ликвидацию самих казаков и граничар как сословия, катастрофическое завершение их истории. Не случайно на Дону у «партий» казакоманов и их противников, прогрессистов, были другие названия — «местные патриоты» и «руссофилы» соответственно³⁹. На Военной Границе ситуация была несколько сложнее, с учетом более высокого уровня политической культуры в Австрийской империи и большего этнического различия местного населения: сторонники радикальных преобразований выступили в союзе с большинством хорватских политиков, а их противники пользовались большим влиянием на этнических сербских территориях⁴⁰.

В любом случае, противники военных поселений апеллировали не столько к национальным, сколько к экономическим проблемам. Так, представители граничар, боровшиеся за слияние с Хорватией, говорили о «голоой и босой» Военной Границе⁴¹. Б. Каталинич в объемном, но несколько сумбурном тексте «О военно-политическом значении Военной Границы в Австрии», предназначенном для российских властей, упомянул и голод в среде граничар, и разорение их семей во время войн, а в итоге назвал саму Военную Границу «отжившим и не соответствующим более духу настоящего времени институтом»⁴². Подобную точку зрения поддержали и российские

³⁸ ОР РГБ. Ф. 169. Милютин. Кар. 23. Ед. хр. 20. Л. 1–19.

³⁹ Королев 1991: 228.

⁴⁰ Дронов 2015.

⁴¹ Фрейдзон 2001: 144–145.

⁴² РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 38–77.

наблюдатели в Австрии, вполне согласные с тем, что только демилитаризация пограничных полков позволит начать нормальное развитие экономики на их территориях. Ф. Ф. Торнау в одном из докладов в Санкт-Петербург написал о «финансовых выгодах, долженствующих породиться для государства от колонизации пограничных пустопорожных земель и от свободной их эксплуатации»⁴³. Занимавший пост консула в Фиуме (ныне Риека в Хорватии) в 1860-е годы Л. В. Березин выразился еще яснее: у граничар «ограничение личной самостоятельности и свободы труда, как и следовало ожидать, сильно тормозило развитие экономической жизни», и даже после присоединения Военной Границы к Хорватии «потребуется еще много времени и немало усиленных стараний со стороны местного населения, чтобы страна могла переродиться и получить прочные основы правильного развития экономических ее сил»⁴⁴.

Аналогичным образом и донские казаки, выступавшие за сближение России и Дона, рисовали в статьях не национальную, но экономическую утопию, долженствующую воцариться после этого. «Деньги и труд оплодотворят самые бесплодные земли. На Дону явятся свои машины и фабрики. Казаки купят дешево, что им нужно, и с выгодами станут торговать такими произведениями своей земли, которые теперь не имеют сбыта», — объяснил свою позицию М. И. Краснов, сын И. И. Краснова⁴⁵. Соглашалось с этим и российское Управление иррегулярных войск, во внутренней документации отмечавшее, насколько неестественно и вредно для развития экономики «положение того общества, в котором все члены составляют одно только военное сословие, обязанное во всякое время иметь в готовности оружие и по первому требованию выступать поголовно в полном снаряжении на собственный счет»⁴⁶. В конечном счете как официальные лица, так и сами граничары и казаки, выступавшие за упразднение особого статуса Военной Границы и Земли войска Донского, преследовали в первую очередь цель улучшить свое материальное положение. И все же не следует сбрасывать со счетов и национальную риторику, использовавшуюся ими.

⁴³ РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 43 об.

⁴⁴ Березин 1879: 318.

⁴⁵ Volvenko 2015c: 103.

⁴⁶ ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 23. Ед. хр. 20. Л. 3.

Яркий пример подобной риторики уже приводился выше: это слова И. И. Краснова о том, что изоляция Донского войска от остальной России рано или поздно приведет к формированию «искусственной народности». Напротив, уничтожение традиционной казачьей замкнутости трактовалась прогрессистами-«русософилами» как важный шаг к сближению казаков и «жителей других губерний»⁴⁷. Хорватские сторонники уничтожения Военной границы, в том числе и из числа граничар, также подчеркивали, что Граница является «землей хорватской короны», и ее полное или частичное объединение с гражданской Хорватией соответствует интересам хорватского народа⁴⁸. Таким образом, экономические проблемы Военной Границы и Земли войска Донского стали толчком для того, чтобы часть их населения задумалась о демилитаризации и объединении с близлежащими гражданскими территориями с этнически близким населением. Желавшие лучшей жизни казаки и граничары утверждали, что хотят быть в первую очередь не военными поселенцами, а русскими и хорватами, пользующимися обычными правами представителей этих наций.

И это провоцировало их противников разыгрывать карту особой самоидентификации военных поселенцев, подчеркивать, что казачья и граничарская сословные идентичности важнее идентичностей национальных. Наиболее отчетливо данная тенденция проявилась в работах уже упомянутого И. С. Ульянова. В 1860-е годы он прямо обвинил казаков-прогрессистов в покушении на «права своей *родины* (курсив мой. — А.П.)», подразумевая под «родиной», таким образом, не Россию, но исключительно Дон⁴⁹. Особое возмущение у него вызвали попытки И. И. Краснова объявить русских «братьями нашими по происхождению, языку и религии, братьями, которые единодушно с нами разделяют усердие к святой христианской вере и чувства преданности к престолу и отечеству»⁵⁰. Почти одновременно с ним и сербские общественные деятели Военной Границы начали обвинять прохорватски настроенных коллег в предательстве интересов родного края. Как написал А. М. Дронов, в 1865 г. представители сербов-граничар в хорватском саборе прямо заявили, что,

⁴⁷ Volvenko 2015c: 103.

⁴⁸ Дронов 2015.

⁴⁹ ГАРО. Ф. 24. Ульяновы. Д. 28. Л. 228.

⁵⁰ Там же. Л. 254.

вопреки лживым утверждениям их хорватских оппонентов, «граничары не хотят упразднения военной системы Границы, доверяют императору, и желают, чтобы он и в дальнейшем управлял ей, как делал это прежде»⁵¹.

Остается констатировать, что тройная самоидентификация казаков и граничар, до середины XIX в. обеспечивавшая стабильность и их верную службу своим империям, в 1860-е годы привела к острому конфликту, очень схожему и на территории Земли Войска Донского, и на Военной Границе. Тщательно взращиваемая десятилетиями идентичность военных поселенцев вступила в противоречие с идентичностями национальными, предполагавшими сближение со своими народами. А затем имперские власти России и Австрии допустили схожие ошибки, только обострив этот конфликт.

Правительственные реформы и кризис на территории военных поселений

В сущности, к началу 1860-х годов однозначно правильного варианта действий в казачьих и граничарских регионах у имперских правительств уже не было. Поддержка любой из групп местных общественных деятелей неизбежно означала конфликт с другой группой. Что еще хуже, власти, очевидно, переоценивали традиционную верность престолу граничар и казаков, надеясь на диалог даже с оппозиционно настроенными общественными деятелями из их среды. И как раз предоставление недовольным возможности публичного высказывания спровоцировало обострение ситуации на Военной Границе и на территории Земли Войска Донского, обострение столь сильное, что сама преданность казаков и граничар своим императорам оказалась несколько поколеблена.

Произошло это почти одновременно. В 1861 г. Вена в рамках общего диалога с хорватскими политиками дала добро на созыв сабора в Загребе, причем в его состав вошли и граничарские депутаты, как предполагалось, «вечно верные» императору⁵². Однако на практике большинство этих депутатов, вместо поддержки имперских чиновников против хорватских политиков, вступили с последними

⁵¹ Дронов 2020: 155–156.

⁵² Фрейдзон 2001: 144–145.

в союз, начав собственную борьбу за упразднение Военной Границы, милитаризованная система управления которой публично именовалась ими «черной могилой»⁵³. Б. Каталинич считал это событие этапным, утверждая, что именно тогда граничары впервые проявили собственную политическую волю, начав защищать свои интересы против ставших им чуждыми имперских⁵⁴. К крайнему радикализму граничарских депутатов власти оказались не готовы, скорого упразднения Военной Границы они не планировали, и в итоге были вынуждены просто распустить сабор⁵⁵.

В России схожие события начались в 1862 г., когда Военное министерство попыталось организовать диалог с казачьими чиновниками и общественными деятелями, спустив в казачьи войска для полноценного обсуждения уже упомянутые «Соображения учрежденного при Управлении Иррегулярных войск Комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках»⁵⁶. В том же году официальный орган Военного министерства, «Военный сборник», опубликовал другой также уже упомянутый текст, статью И. И. Краснова «О народности в Донском войске», обосновывающую правительственную позицию и с экономической, и с национальной точки зрения. В следующем, 1863 году со всего Донского войска были собраны депутаты от станиц, в надежде убедить донских казаков в готовности правительства вести диалог с ними при разработке предстоящих реформ⁵⁷. Но на практике и в России все закончилось разрывом между властями и казаками. Донские общественные деятели обвинили имперское правительство в хитрости и попытках использовать выборных депутатов для легитимации непопулярных решений:

Время и добрые люди довольно нашколили казаков узнавать друзей и недругов своих — чем бы они ни прикидывались, какими бы фразами ни прикрывались⁵⁸.

⁵³ Дронов 2020: 140.

⁵⁴ РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 38–77.

⁵⁵ Фрейдзон 2001: 145.

⁵⁶ ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 23. Ед. хр. 20. Л. 1–20.

⁵⁷ Краснов 1865: 350–351.

⁵⁸ ГАРО. Ф. 55. Попов Харитон Иванович. Оп. 1. Д. 34. Л. 3.

Военное министерство, в свою очередь, убедилось в невозможности передать разработку важных вопросов преобразования казачества на места, ввиду невнимания казаков «к новым преобразованиям в государстве»⁵⁹. Иными словами, и на Дону казаки на первое место поставили свои частные интересы, а не интересы Российской империи, вместо поддержки и корректировки правительственных реформ начав их жесткую критику.

Итак, третья, государственная идентичность казаков и граничар в 1860-е годы тоже вступила в конфликт с их идентичностью сословной. В этом отношении очень показателен текст «О военно-политическом значении Военной Границы в Австрии» Б. Каталинича, не только пронизанный антигабсбургскими выпадами, но и содержащий следующее описание сцены, якобы произошедшей в битве при Сольферино (1859):

Австрийский император с обнаженной шпагой встал перед батальоном граничар в надежде повести их на дело, но, несмотря на то, что он говорил им, что он сам, имея семейство, подобно им подвергает жизнь свою опасности — батальон граничар не дрогнул с места, а затем отступил, поразив удивлением императора, жестоко и горько их за это упрекавшего⁶⁰.

Едва ли это описание в полной мере соответствует действительности, но факт остается фактом: на прежнюю надежность граничарских частей в 1860-е годы рассчитывать не приходилось. Ф. Ф. Торнау сообщил о граничарских полках в Санкт-Петербург следующее:

Как они прежде присоединялись к империи, так они, в случае опасности, которая им будет грозить с другой стороны, не откажутся пристать к Венгрии. Оппозиция, противопоставляемая ими видам правительства, имеет совершенно пассивный характер; но не менее того скрывает в себе будущую положительную опасность⁶¹.

С казаками получилось еще хуже. По свидетельству некоторых мемуаристов, дело дошло до того, что военный министр Российской империи Д. А. Милютин в сердцах воскликнул:

⁵⁹ Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865–1867. М.: РОССПЭН, 2005. С. 184–185.

⁶⁰ РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 38–77.

⁶¹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 45.

Не посылать же войска для усмирения казаков, особливо в то время, когда от них требуется присылка полков для усмирения царства Польского и наших западных губерний!⁶².

Времена патриархальной преданности военных поселенцев своим государствам и государям безвозвратно ушли в прошлое. Чтобы держать под контролем казаков и граничар, власти теперь были вынуждены вести тонкую игру, сочетая методы кнута и пряника и чередуя уступки оппозиционным политикам с откровенными угрозами.

Приоритетная ценность сословной идентичности

Манифестация донского казачьего национализма произошла именно в подобных условиях, когда для радикально настроенных защитников казачьих традиций стремительно теряли прежнее значение национальная и государственная идентичности и их вытесняла идентичность сословная. Для наиболее решительно настроенных фигур казакманского лагеря и Российская империя, и российский народ превратились в полноценную угрозу: по свидетельству современников, на Дону в начале 1860-х годов были очень распространены слухи о том, будто бы имперские власти планируют «обратить казаков в “мужиков”»⁶³. Именно в подобном контексте нужно оценивать, например, то, что в 1863 г. Х. И. Попов (1834–1925), крупнейший донской консервативный политик второй половины XIX — начала XX в., опубликовал большой список пожеланий к правительственной политике, начинавшийся с ключевого пункта: «Кзаки <...> желают оставаться казаками»⁶⁴.

В Австрийской империи аналогичные события развивались с некоторым запозданием, вероятно, связанным с более осторожной позицией властей в отношении системных реформ военных поселений. Граничары, желавшие сохранить особую идентичность военных поселенцев, изначально в большей степени ориентировались на поддержку правительства, чем на создание собственных программ. Однако, когда в 1869 г. Веной было принято принципиальное решение о демилитаризации Военной Границы и начало формироваться как

⁶² Volvenko 2015b: 32.

⁶³ Карасев 1900: 169.

⁶⁴ Volvenko 2015d: 199.

единая сила граничарское движение, уже первая попытка составить полноценную программу этого движения, послание граничар сотни св. Ивана Крижевацкого полка, продемонстрировала поразительное сходство с позицией Х.И. Попова. Подобно донскому консерватору, граничарские общественные деятели начинали свой список требований к правительству с ультимативного заявления: «Граничарами были — граничарами и останемся»⁶⁵.

Таким образом, сама логика событий вынуждала сторонников сохранения Донского войска и Военной Границы в их традиционных формах ставить на первое место в политических программах поддержание особой идентичности военных поселенцев, причем эта идентичность противопоставлялась идентичности национальной и невольно приобретала ее черты. Оставаться одновременно русским и казаком, хорватом и граничаром становилось все сложнее. Местные политики и общественные деятели для решения изначально экономических и административных проблем столкнули исторически сложившиеся идентичности, однозначно противопоставив их друг другу, а власти не только не смогли остановить этот процесс, но и ускорили его.

Итак, в 1860-е годы большинство донских казаков и австрийских граничар оказались поставлены перед выбором, что им важнее: остаться членами своего сословия или объединиться с представителями своей нации. Национальная идентичность вступила в борьбу с сословной и наоборот, а некогда сильная идентичность государственная в этом конфликте вообще оказалась почти уничтожена. К сожалению, формат статьи не позволяет подробно остановиться на дальнейших событиях, на том, как власти относительно успешно пытались загнать обратно в бутылку выпущенного ими джинна казачьего и граничарского национализма. Кстати, в этом отношении события на Дону и на Военной Границе начали развиваться диаметрально противоположным образом: в Австрии проблему решили кардинально, уничтожив саму Военную Границу, а в России выбрали более осторожный вариант, отменив замкнутость казачества и допустив на его земли представителей других сословий. Результаты этих преобразований тоже интересно сравнить, но это тема для другой работы. Здесь же только отмечу, что если в случае с граничарами

⁶⁵ Дронов 2020: 167.

возникший в 1860-е годы конфликт идентичностей удалось в итоге преодолеть путем победы первоначальной национальной идентичности и слияния граничар с соседними народами, то для донского казачества последствия этого конфликта остаются актуальными и по сей день. Уже в 1880-е годы этнографы фиксировали, что в донских станицах слова «русь» и «русский» использовались казаками как ругательства по отношению к пришельцам из центральных губерний, причем четко ответить на вопрос, являются ли сами казаки русскими, многие станичники не могли⁶⁶. И сейчас в возрождающемся казачестве продолжают споры о том, являются ли казаки сословием или народом, а во время всероссийской переписи 2010 г. 29 682 жителя Ростовской области и 18 452 жителя Волгоградской области, некогда территориально входивших в Землю войска Донского, указали свою национальность как казаки, а не русские⁶⁷.

Список сокращений

ГАРО — Государственный архив Ростовской области, Ростов-на-Дону
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, Москва

Литература

- Березин 1879 — *Березин Л. В.* Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница. СПб.: Тип. и хромолит. А. Граншеля, 1879. Т. 2. 590 с.
- Волвенко 2007 — *Волвенко А. А.* Два подхода к расчетам стоимости донского казачества для Российской империи в 60–70-е гг. XIX в. // Актуальные проблемы социальной истории: Сборник научных статей. Новочеркасск; Ростов-на-Дону: Логос, 2007. Вып. 8. С. 47–56.
- Волвенко 2018 — *Волвенко А. А.* Казачество и конскрипция в 1860–1870-е гг. // Российская история. 2018. № 5. С. 36–45. DOI: 10.31857/S086956870001564-8
- Волвенко 2019 — *Волвенко А. А.* Власть и казачество в эпоху «Великих реформ» Александра II (1860–1870-е гг.). Таганрог: Изд-во Волошина О. И., 2019. Ч. I. На пути к «гражданственности». 230 с.

⁶⁶ Харузин 1885: xxviii–xixx.

⁶⁷ Кочергин 2019: 168.

- Глиноецкий 1868 — *Глиноецкий Н. П.* Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1868. № 1–2. Отд. II. С. 75–101.
- Глиноецкий 1869a — *Глиноецкий Н. П.* Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1869. № 1. Отд. II. С. 93–120.
- Глиноецкий 1869b — *Глиноецкий Н. П.* Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1869. № 9. Отд. II. С. 89–116.
- Дронов 2020 — *Дронов А. М.* Место Военной Границы в концепциях административно-политического устройства королевства Хорватии и Славонии в 40–70-е годы XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2020. 223 с. (рукопись).
- Дронов 2015 — *Дронов А. М.* Проекты реорганизации Военной Границы монархии Габсбургов в 1850–1860 гг. [Электронный ресурс] // Конференция Ломоносов-2015. URL: http://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/3000/report/uid61421_report.pdf (дата обращения: 14.03.2020).
- Зайончковский 1952 — *Зайончковский П. А.* Военные реформы 1860–1870-х годов в России. М.: Изд-во Московского университета, 1952. 326 с.
- Каппелер 2014 — *Каппелер А.* Казачество. История и легенды. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. 106 с.
- Карасев 1900 — *Карасев А. А.* Бунт на Дону в 1862–1863 годах // Исторический вестник. 1900. № 80. С. 167–174.
- Карпенко 2006 — *Карпенко А. Н.* Особенности проведения военной реформы в Области Войска Донского во второй половине XIX в. // Ученые записки Донского юридического ин-та. Ростов-на-Дону: Изд-во Донского юридического ин-та, 2006. Т. 31. С. 256–286.
- Кириллов 1909 — *Кириллов А. А.* Краткое обозрение истории о донских казаках. Новочеркасск: Частная Донская Типография, 1909. 40 с.
- Корниенко 2013 — *Корниенко Б. С.* Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2013. 232 с.
- Королев 1991 — *Королев В. Н.* Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во, 1991. 464 с.
- Кочергин 2019 — *Кочергин А. А.* Этническая категоризация казаков во все-российских переписях населения // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2019. С. 165–175.
- Краснов 1862 — *Краснов И. И.* О народности в Донском войске // Военный сборник. 1862. № 4. С. 343–356.
- Краснов 1865 — *Краснов И. И.* Беспоместные и мелкопоместные чиновники войска Донского // Русский вестник. 1865. Т. 58. С. 329–351.
- Морозова 2010 — *Морозова О. М.* Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов-на-Дону: Из-во Южного научного центра РАН, 2010. 274 с.
- Риттих 1874 — *Риттих А. Ф.* Австро-Венгрия. СПб.: Военная типография, 1874. Отд. I. Общая статистика. 131 с.

- Сватиков 1924 — *Сватиков С. Г.* Россия и Дон (1549–1917 гг.). Белград: Издание Донской исторической комиссии, 1924. 592 с.
- Фрейдзон 2001 — *Фрейдзон В. И.* История Хорватии. СПб.: Алетейя, 2001. 318 с.
- Харузин 1885 — *Харузин М. Н.* Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права. М.: Тип. М. П. Щепкина, 1885. Вып. 1. 388 с.
- Хлыстов 1962 — *Хлыстов И. П.* Дон в эпоху капитализма. 60-е — середина 90-х годов XIX в. Ростов-на-Дону: Издание Ростовского ун-та, 1962. 331 с.
- Volvenko 2015a — *Volvenko A. A.* Chebotarev A. P. — “the Grey Cardinal” of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // History and Historians in the Context of the Time. 2015. Vol. 15. Is. 2. S. 106–114. DOI: 10.13187/hhct.2015.15.106.
- Volvenko 2015b — *Volvenko A. A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Russkaya Starina. 2015. Vol. 13. Is. 1. P. 19–37. DOI: 10.13187/rs.2015.13.19.
- Volvenko 2015c — *Volvenko A. A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // Russkaya Starina. 2015. Vol. 14. Is. 2. P. 94–107. DOI: 10.13187/rs.2015.14.94.
- Volvenko 2015d — *Volvenko A. A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // Russkaya Starina. 2015. Vol. 15. Is. 3. P. 194–207. DOI: 10.13187/rs.2015.15.194.

References

- Berezin, L. V., 1879. *Khorvatiia, Slavoniia, Dalmatsiia i Voennaia granitsa* [Croatia, Slavonia, Dalmatia and Military frontier]. T. 2. SPb.: Tip. i khromolit. A. Transhelia, 590 p. (in Rus.)
- Dronov, A. M., 2015. Proekty reorganizatsii Voennoi Granitsy monarkhii Gabsburgov v 1850–1860 gg. [Reorganization Projects of the Military Frontier of the Habsburg Monarchy in the 1850s–1860s]. In: *Konferentsiia Lomonosov-2015*. URL: http://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/3000/report/uid61421_report.pdf (accessed: 03.14.2020). (in Rus.)
- Dronov, A. M., 2020. *Mesto Voennoi Granitsy v kontseptsiiakh administrativno-politicheskogo ustroistva korolevstva Khorvatii i Slavonii v 40–70-e gody 19 v.* [The Place of the Military Frontier in the concepts of administrative and political structure of the Kingdom of Croatia and Slavonia from the 1840s to the 1870s]: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 223 p. (manuscript). (in Rus.)
- Freidzon, V. I., 2001. *Istoriia Khorvatii* [History of Croatia]. St. Petersburg: Aleteiia, 318 p. (in Rus.)
- Glinetski, N. P., 1868. Inostrannoe voennoe obozrenie [Foreign military review]. *Voennyi sbornik*, 1–2, II, pp. 75–101. (in Rus.)
- Glinetski, N. P., 1869. Inostrannoe voennoe obozrenie [Foreign military review]. *Voennyi sbornik*, 1, II, pp. 93–120. (in Rus.)

- Gliનોetskii, N. P., 1869. Inostrannoe voennoe obozrenie [Foreign military review]. *Voennyi sbornik*, 9, II, pp. 89–116. (in Rus.)
- Kappeler, A., 2014. *Kazachestvo. Istoriia i legendy* [Cossacks. History and legends]. Rostov-na-Donu: izd-vo Iuzhnogo federal'nogo un-ta, 106 p. (in Rus.)
- Karasev, A. A., 1900. Bunt na Donu v 1862–1863 godakh [Riot on the Don in 1862–1863]. *Istoricheskii vestnik*, 80, pp. 167–174. (in Rus.)
- Karpenko, A. N., 2006. Osobennosti provedeniia voennoi reformy v Oblasti Voiska Donskogo vo vtoroi polovine 19 v. [Features of military reform in the Don Host's Oblast in the second half of the nineteenth century]. In: *Uchenye zapiski Donskogo iuridicheskogo instituta*, 31. Rostov-na-Donu: Izd-vo Donskogo iuridicheskogo in-ta, pp. 256–286. (in Rus.)
- Kharuzin, M. N., 1885. *Svedeniia o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlia obychnogo prava* [Information about the Cossack communities on the Don: materials for customary law], 1. Moscow: Tip. M. P. Shchepkina, 388 p. (in Rus.)
- Khlystov, I. P., 1962. *Don v epokhu kapitalizma. 60-e — seredina 90-kh godov 19 v.* [Don in the era of capitalism. From the 1860s to mid-1890s]. Rostov-na-Donu: Izdanie Rostovskogo un-ta, 331 p. (in Rus.)
- Kirillov, A. A., 1909. *Kratkoe obozrenie istorii o donskikh kazakakh* [A brief overview of the history of the Don Cossacks]. Novocherkassk: Chastnaia Donskaia Tipografiia, 40 p. (in Rus.)
- Kochergin, A. A., 2019. Etnicheskaia kategorizatsiia kazakov vo vserossiiskikh perepisiakh naseleniia [Ethnic categorization of Cossacks in the All-Russian population censuses]. In: *Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziia. Iazykovaia situatsiia, perepisi, polevaia etnostatistika*. Moscow: In-t etnologii i antropologii RAN, pp. 165–175. (in Rus.)
- Kornienko, B. S., 2013. *Pravyi Don: kazaki i ideologiia natsionalizma (1909–1914)* [The Right Don: Cossacks and the ideology of nationalism (1909–1914)]. Saint Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo un-ta, 232 p. (in Rus.)
- Korolev, V. N., 1991. *Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh* [Starye Veshki. The story about the Cossacks.]. Rostov-na-Donu: Rostovskoe knizhnoe izd-vo, 464 p. (in Rus.)
- Krasnov, I. I., 1862. O narodnosti v Donskom voiske [On the nationality in the Don Host]. *Voennyi sbornik*, 4, pp. 343–356. (in Rus.)
- Krasnov, I. I., 1865. Bepomestnye i melkopomestnye chinovniki voiska Donskogo. *Russkii vestnik*, 58, pp. 329–351. (in Rus.)
- Morozova, O. M., 2010. *Tsari, kazaki, krasnye komandiry... Sem' ocherkov v zhanre istoriko-psikhologicheskogo portreta* [Tsars, Cossacks, red commanders ... Seven essays in the genre of historical and psychological portrait]. Rostov-na-Donu: Izd-vo Iuzhnogo nauchnogo tsentra RAN, 274 p. (in Rus.)
- Rittikh, A. F., 1874. *Avstro-Vengriia* [Austrian-Hungary], I, *Obshchaia statistika* [General statistics]. Saint Petersburg: Voennaia tipografiia, 131 p. (in Rus.)

- Svatikov, S. G., 1924. *Rossiia i Don (1549–1917 gg.)*. [Russia and Don (1549–1917)]. Belgrad: Izdanie Donskoi Istoricheskoi Komissii, 592 p. (in Rus.)
- Volvenko, A. A., 2019. *Vlast' i kazachestvo v epokhu "Velikikh reform" Aleksandra II (1860–1870-e gg.)*. *Chast' I. Na puti k "grazhdanstvennosti"*. [The government and the Cossacks in the era of the Great Reforms of Alexander II (1860s–1870s). Part I. On the way to "citizenship"] Taganrog: Izd-vo Voloshina O. I., 230 p. (in Rus.)
- Volvenko, A. A., 2007. Dva podkhoda k raschetam stoimosti donskogo kazachestva dlia Rossiiskoi imperii v 60–70 gg. 19 veka [Two options of calculating the cost of the Don Cossacks for the Russian Empire in the 1860s and 1870s]. In: *Aktual'nye problemy sotsial'noi istorii. Sbornik nauchnykh statei*, 8. Novocherkassk; Rostov-na-Donu: Logos, pp. 47–56. (in Rus.)
- Volvenko, A. A., 2015a. Chebotarev A. P. — "the grey cardinal" of the Cossack reforms of the epoch of liberation? *History and Historians in the Context of the Time*, 15(2), pp. 106–114. doi: 10.13187/hhct.2015.15.106
- Volvenko, A. A., 2015b. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. *Russkaia Starina*, 13 (1), pp. 19–37. doi: 10.13187/rs.2015.13.19
- Volvenko, A. A., 2015c. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. *Russkaia Starina*, 14 (2), pp. 94–107. doi: 10.13187/rs.2015.14.94
- Volvenko, A. A., 2015d. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III. *Russkaia Starina*, 15 (3), pp. 194–207. doi: 10.13187/rs.2015.15.194
- Volvenko, A. A., 2018. Kazachestvo i konskriptsiiia v 1860–1870-e gg. [Cossacks and conscription in the 1860s and 1870s.]. *Rossiiskaia istoriia*, 5, pp. 36–45. doi: 10.31857/S086956870001564-8 (in Rus.)
- Zaionchkovskii, P. A., 1952. *Voennye reformy 1860–1870 godov v Rossii* [Military reforms of the 1860s and 1870s in Russia]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 326 p. (in Rus.)

Artyom Yu. Peretyatko

PhD, Lecturer, Lyceum of Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. 344006 ul. B. Sadovaia, 105/42. E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Self-identification of Don Cossacks and Austrian Grenzers in the context of government policy of the 1860s in the Russian and Austrian empires

The 1860s were marked by aggravation of national issues in the Austrian Military Frontier and in Russian Don Host. This paper undertakes an attempt to compare the processes that took place among the Don Cossacks and Austrian Grenzers at that time. The author shows that in both cases there were three variants of identity: state (as loyal servants of their emperor), corporate (as Cossacks/Grenzers), and national (as Russians/Croats/Serbs etc.). Historically, these identities complemented each other without being juxtaposed in direct contradiction; moreover the isolation of Cossacks and Grenzers, as well as their clear association with particular territory by the middle of the nineteenth century had already brought into their corporate identity traits of another, national, identity. However, by the 1860s, the economic problems of the Military Frontier and Don Host Oblast became so acute, that the issue of the abolishment of their special militarised status was discussed. In given circumstances, the imperial governments tried to establish dialogues with the Cossacks and Grenzers, which however led to unexpected consequences and greatly destabilized the situation. In fact, subsequently both at Don and at the Military Frontier a public struggle started between the proponents of convergence of local populace with their respected nations, and the people who considered that the Cossack/Grenzer estate status had to be preserved no matter the cost. As a result, by the 1870s the corporate identity of the Cossacks and Grenzers was increasingly becoming not an addition, but an alternative to their historical national identity, which created preconditions for the emergence of new political nations, although this did not occur.

Keywords: Don Host Oblast, Military Frontier, national identity, military settlers, Ivan I. Krasnov, Ivan S. Ulianov, Bogolub Katalinić

How to cite: Peretyatko, A.Yu., 2021. Samoidentifikatsiia donsikh kazakov i avstriiskikh granichar v kontekste pravitel'svennoi politiki 1860-kh godov v Rossiiskoi i Avstriiskoi imperiakh. *Tsentrāl'noevropeiskie issledovania*, 2020, 3(12), pp. 73–97. doi: 10.31168/2619-0877.2020.3.4